

Г.В. ВЕРДИЯН,
кандидат юридических наук,
доцент
Российской правовой академии
Минюста России

G.V. VERDIYAN,
candidate of legal sciences,
associate professor
the Russian legal Academy
of the Ministry of justice
of Russia

ПРИНЦИП
ДОБРОСОВЕСТНОСТИ
В ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЯХ
ГРАЖДАНСКОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

THE PRINCIPLE
OF GOOD FAITH
IN THE GENERAL
PROVISIONS OF THE CIVIL
CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION

Несмотря на то что границы правоосуществления исследуются столько же, сколько существует гражданское право, вопрос об осуществлении гражданских прав не в соответствии с их действительным назначением (злоупотребление правом) всегда решался через призму власти того или иного государственно-правового устройства.

Ключевые слова: добросовестность, гражданское право, злоупотребление правом, законодательство, справедливость, разумность, принцип права.

In spite of the fact that the borders of the exercise of the right are studied as much, how many there is a civil right, the question of implementation of civil rights is not in accordance with their actual purpose (an abuse of the right) always resolved is through the prism of authority of one or another of the state-legal unit.

Key words: the integrity, civil law, abuse of rights, legislation, justice, fairness, reasonableness, the principle of the right.

В нашей стране попытки исследовать указанную проблему в 60–80-х годах прошлого века неизменно наталкивались на «авторитет» государства и ограничивались «социалистическим» назначением права. Ученые, вследствие этого, потеряли интерес к этой проблеме, а некоторые просто вывели ее из области гражданского права. Однако сегодня вместе с изменениями основных ценностей права возрос и интерес к этой проблеме, давно ждущей своих исследователей¹.

При этом требуется не только фрагментарная проработка и комментариев гражданского законодательства по избранной проблеме, но и скрупулезный научный анализ теории о злоупотреблении правом с «выходом» в такие смежные области знания, как философия, социология, психология. Необходим сдвиг науки гражданского права в целом к тому, что неправомерным может быть поведение, нарушающее не только конкретные нормы догматического права, но и основополагающие системные связи (принципы) гражданского права².

Очень мало в этой области дано разъяснений Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВС РФ и ВАС РФ), за ис-

ключением незначительных упоминаний о злоупотреблении правом в п. 5 постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», и в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 до арбитражных судов был доведен «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации», который содержит ряд спорных положений.

Разумность в парной категории «разумность и добросовестность» ст. 10 ГК РФ составляет ее, если так можно выразиться, объективную, более приближенную к праву сторону человеческого поведения через ее деперсонализацию и создание образа среднего, но здорового субъекта права, способного осознавать и предвидеть свое поведение не хуже среднего человека. Неразумность действий – это фактическое противоречие в структуре последовательных действий субъекта права, проявляющееся в нелогичном, неадекватном поведении при определенных обстоятельствах, т.е. это внутренний признак злоупотребительного поведения. Недобросовестность – это соизмерение всех выявленных в своем противоречии действий с действительной целью субъекта, т.е. уста-

¹ См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 328.

² См.: *Волков А.В.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики: Монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 255.

новление факта недобросовестного, лицемерного использования прав (обязанностей). Разумность представляет собой структурную сторону добросовестности, а добросовестность – собирательную форму здравого, адекватного, честного поведения³.

Итак, сложность заключается в том, что через дефиницию толковать оценочные понятия невозможно, поскольку тогда они из оценочных превращаются в формально-определенные, в то время как по своему назначению они являются ситуационными категориями, проявляющимися в конкретных, фактических правоотношениях. Но применительно к проблеме злоупотребления правами оценочные понятия (добросовестность и разумность) несут двойную нагрузку. Они «работают» не только в области определения того или иного обстоятельства, факта правового состояния в объективном праве, но и сами становятся пределами, границами для осуществления правовыми лицами своих субъективных гражданских прав, отвечая за выявление лицемерного признака в поведении субъекта права. Неизбежно в этом случае появление особой конструкции – «права на право», подразумевающей собственный вопрос: насколько свободны, реально возможны, правомочны действия лица на стадии реализации своего субъективного гражданского права? Ответ на этот вопрос содержится в структуре каждого субъективного гражданского права – в обя-

занности не использовать свое субъективное право «во зло» другим лицам.

Конституционный Суд РФ выработал конкретизирующий правовой механизм разрешения гражданско-правовых споров. В данном случае конкретизация, по сути, является первоначальным развертыванием содержания нескольких правовых норм, их сопоставлением и формулированием уточняющего вывода о том, какой конкретный правовой механизм подлежит применению в таких категориях дел. Пленумы Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ осуществили последующее развитие правового содержания института добросовестного приобретателя, распространив действие конкретизирующих положений на новые юридические факты и правоотношения этой сферы, уточнив и детализировав права и обязанности субъектов⁴.

Указом Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» предусмотрена разработка Концепции развития гражданского законодательства и проектов федеральных законов о внесении изменений в ГК РФ. В соответствии с этим Указом рабочие группы, образованные Советом при Президенте РФ по кодификации и

³ Там же. С. 156.

⁴ См.: Гаврилова Ю.А. Развитие института добросовестного приобретателя в законодательстве Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6 (76). С. 80, 81.

совершенствованию гражданского законодательства, подготовили проект названной Концепции, который состоит из концепций, посвященных общим положениям ГК РФ, положениям о юридических лицах, о вещных правах, об общих положениях обязательственного права, о ценных бумагах и финансовых сделках, о правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, о международном частном праве, представляющих собой части единой концепции.

В настоящее время проект Концепции обнародован для публичного обсуждения. В апреле 2009 г. первые пять концепций были обсуждены на расширенном заседании Научно-консультативного совета при ВАС РФ при участии Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и Научно-консультативного совета при ВС РФ. В соответствии с целями, определенными в п. 1 Указа от 18 июля 2008 г. № 1108, на основе анализа почти пятнадцатилетней практики применения части первой Кодекса и с учетом зарубежного законодательства, современных научных исследований проделана работа по выявлению имеющихся в Кодексе пробелов, случаев не вполне оптимального правового регулирования, отдельных норм и институтов, требующих усовершенствования. Сформулированы и обоснованы обширные предложения о совершенствовании гражданского законодательства и правоприменительной практики, с большинством из которых следует согласиться.

Принимая во внимание, что проект опубликован, автор настоящей статьи рассматривает наиболее дискуссионные предлагаемые изменения и общие вопросы гражданского права, которые, как представляется, не решены в действующем Кодексе и остались без внимания в проекте.

В подпункте 1.2 п. 1, подп. 2.1 п. 2 § 1 раздела I проекта Концепции совершенствования общих положений гражданского законодательства Российской Федерации (далее – проект Концепции, проект) отмечается, что в ГК РФ отсутствует указание на добросовестность как общий принцип гражданского права, в то время как предсказуемость поведения участников оборота основана на удовлетворении ожиданий, базирующихся на представлении о добросовестном поведении, в связи с чем добросовестность предлагается рассматривать как принцип гражданского права, чтобы его действие «пронизывало все элементы правовой системы, чтобы он оказывал общее воздействие на развитие гражданского правоотношения». Эта идея является «сквозной», в той или иной степени она проводится и в других разделах проекта, в частности в проекте Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России.

Разумеется, вряд ли стоит возражать против того, чтобы добросовестность как общепринятое правило поведения утверждалась в сфере гражданского оборота, как, впрочем, и во всех иных сферах, например в налоговых, семейных, процессуальных отношениях. Нет сомнений и в

том, что законодатель должен стремиться создавать правовые механизмы, поощряющие добросовестное поведение и делающие невыгодным поведение недобросовестное. Другое дело: возможно ли добросовестность возвести в принцип права или в принцип той или иной отрасли законодательства и нужно ли это делать?

Наиболее наглядно сомнительность этой идеи выявляется на примере обязательственного права, в частности исполнения обязательств.

В проекте Концепции совершенствования общих положений обязательственного права (подп. 1.2 п. 1, подп. 2.1 п. 2 разд. II) указано, что положения об исполнении обязательств не содержат принципа добросовестного исполнения обязательств, что не позволяет правоприменителю при рассмотрении споров давать адекватную оценку действий в случаях недобросовестного поведения сторон при исполнении обязательств, последнее же, по мнению авторов проекта, необходимо для справедливого разрешения споров.

В то же время в предложениях о совершенствовании действующего законодательства (подп. 3.1 п. 3 того же раздела) никаких рекомендаций о том, какими должны быть правовые последствия в случае, если такая адекватная оценка поведения сторон будет дана судом, и как именно эта оценка должна повлиять на справедливое разрешение спора, не содержится. Формулируется лишь вполне очевидная мысль: гражданское законодательство должно обеспечивать утверждение и всемерную реализацию принципа добросовестнос-

ти при исполнении обязательства (против чего никто не возражает) – и обсуждаются различные юридико-технические приемы «утверждения» этого принципа, а именно предлагается закрепить его не в нормах об исполнении обязательств, а в качестве общего принципа гражданских отношений, что, по мысли авторов данного проекта, позволит отказаться от конкретизации тех или иных частных случаев его проявления и избежать повторов в отдельных разделах кодификации.

Между тем провозглашение добросовестности принципом гражданских правоотношений не равнозначно его утверждению в гражданских правоотношениях. Для утверждения добросовестности нужны именно четкие юридические механизмы, конкретизация правовых последствий недобросовестного поведения в «тех или иных частных случаях» его проявления. Иначе провозглашение добросовестности в качестве принципа гражданского права останется лишь благим пожеланием.

Действительно, представим ситуацию, когда обязанное лицо заведомо не собиралось исполнять обязательство, например намереваясь присвоить деньги вкладчиков или дольщиков и скрыться с ними. Нет сомнений в том, что такое лицо действовало недобросовестно, оно недобросовестно не исполняло свое обязательство.

Но возможна и иная ситуация: обязанное лицо предпринимало все разумно необходимые и все мыслимые меры для того, чтобы обязательство было исполнено, однако его уси-

лия, тем не менее, не увенчались успехом. Такое лицо, очевидно, следует признать добросовестно не исполнившим свое обязательство.

Однако последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства не зависят от того, добросовестно или недобросовестно действовало лицо, нарушившее обязательство. Эти последствия в обоих случаях одинаковы.

Обстоятельством, исключаящим ответственность за нарушение обязательства, по общему правилу является отсутствие вины, а не добросовестности. Согласно п. 1 ст. 401 ГК РФ, лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства (что, однако, не избавляет лицо, не исполнившее обязательство, от обязанности его исполнения, например, от обязанности возратить долг по кредиту и проценты, составляющие плату за пользование кредитом, если долг не был возвращен в срок, хотя бы и не по вине должника).

Следовательно, в рассмотренной ситуации дополнительная квалификация поведения должника как добросовестного или недобросовестного, во-первых, лишена практического смысла, как не влияющая ни на сохранение обязательства, ни на ответственность за его нарушение, а во-вторых, введение такой квалификации было бы вредно, поскольку это составило бы конкуренцию понятию вины в гражданском праве, что зат-

рудняет применение ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, ибо наряду с виной обязанного лица вводилось бы еще одно субъективное условие ответственности в виде недобросовестности поведения обязанного либо управомоченного лица. Следовательно, при таком подходе правоприменителю пришлось бы разрешать ряд довольно непростых коллизий: может ли быть, например, лицо виновным, но при этом добросовестным; имеет ли значение недобросовестное поведение при отсутствии вины.

Таким образом, справедливому разрешению спора «адекватная» оценка судом соответствующего поведения едва ли сможет способствовать, во всяком случае, из проекта Концепций не видно, как именно, по замыслу разработчиков, должен поступить суд, установив добросовестность или недобросовестность при исполнении обязательства: уменьшить размер ответственности лица, добросовестно не исполнившего обязательство или исполнившего его ненадлежащим образом; установить повышенную ответственность лица, нарушившего обязательство недобросовестно; отказать в защите права кредитору, действовавшему недобросовестно; как-то иначе.

В то же время, если исходить из того, что добросовестность – это правовой принцип, который «пронизывает все элементы правовой системы» (чем, собственно, и характеризуется принцип права), то правовые последствия добросовестного поведения, вероятно, должны быть ины-

ми, чем последствия недобросовестного поведения; если же правовые последствия в обоих случаях одинаковы, то добросовестность в качестве именно правового принципа рассматривать нельзя, что, разумеется, не исключает учета добросовестности в некоторых прямо установленных законом случаях. Например, определять права и обязанности сторон при невозможности использования аналогии закона исходя из требований добросовестности, равно как и требований разумности и справедливости, – п. 2 ст. 6 ГК РФ; при разрешении спора между сторонами договора пожизненного содержания с иждивением об объеме содержания, которое предоставляется или должно предоставляться гражданину, когда суд должен руководствоваться принципами добросовестности и разумности, – п. 3 ст. 602 Кодекса; при освобождении судом арендодателя предприятия от обязанности возместить арендатору стоимость неотделимых улучшений, если при осуществлении таких улучшений были нарушены принципы добросовестности и разумности, – ч. 2 ст. 662.

Уместно заметить, что в приведенных нормах права категория добросовестности не используется в качестве единственной: во всех известных случаях, когда закон предписывает исходить из добросовестности, он требует учитывать также разумность, а в случае, указанном в ст. 6 ГК РФ, и справедливость.

Почему бы в этих обстоятельствах не провозгласить принципом права, в том числе гражданского, например, справедливость? Вряд ли

можно привести аргументы, в силу которых справедливость, в отличие от добросовестности, не следует рассматривать как принцип права. Между тем справедливость в праве реализуется не путем ее провозглашения в качестве принципа, а через конкретные нормы права, которыми в совокупности и обеспечивается справедливость закона, права, что, в частности, в сфере гражданского права выражается, например, в соблюдении баланса интересов сторон, компенсационном характере санкций. Вместе с тем провозглашение, скажем, справедливости в качестве принципа права (при том, что справедливость, безусловно, служит фундаментом права в демократическом правовом государстве) приводило бы, как это ни выглядит парадоксальным, к противопоставлению права и справедливости, поскольку, например, при выводе о несправедливости закона суд при разрешении гражданских дел должен был бы руководствоваться не законом, а собственными представлениями суда о его справедливости. Несложно представить, к какой вакханалии это привело бы. О какой-либо стабильности гражданского оборота (как и о правовой определенности) говорить не пришлось бы, ибо стороны, руководствуясь в своих действиях (или при воздержании от них) законом, не могут знать заранее, как суд отнесется к нему, а именно сочтет суд закон справедливым или нет, основываясь на собственном суждении о справедливости той или иной нормы закона применительно к тем или иным обстоятельствам каждого дела.

Важно понимать, что в качестве общего правила категориями справедливости, разумности, добросовестности закон (ст. 6 ГК РФ) предписывает руководствоваться лишь при одновременном наличии четырех условий: во-первых, когда предусмотренные п. 1 и 2 ст. 2 ГК РФ отношения прямо не урегулированы законодательством, во-вторых, когда они не определены также соглашением сторон, в-третьих, когда при этом отсутствует применимый к отношениям сторон обычай делового оборота и, в-четвертых, когда в силу изложенного не может быть применена также аналогия закона. Такое регулирование вполне оправданно: суд не может оставить подсудный ему спор неразрешенным, сославшись на неурегулированность спорных отношений законом; суд обязан разрешить спор, руководствуясь, если не остается ничего иного, категориями справедливости, разумности и добросовестности и с учетом (что особенно важно в подобных случаях) имеющейся судебной практики разрешения аналогичных дел, о чем ни в Кодексе, ни в проекте Концепций не упоминается.

В подпункте 2.2 п. 2 § 1 раздела I проекта Концепции указано, что принцип добросовестности должен распространяться на действия (поведение) участников оборота при установлении прав и обязанностей (ведение переговоров о заключении договоров и т.д.); приобретении прав и обязанностей; осуществлении прав и при исполнении обязанностей; защите прав. Коль скоро такая цель декларируется, в соответствующие нормы ГК РФ, в том числе о возник-

новении гражданских прав и обязанностей, заключении договора, его изменении и расторжении, должны были бы вноситься некие дополнения либо соответствующие главы Кодекса нужно дополнять новыми статьями, где отразить, как именно недобросовестное поведение при создании, например, новой вещи для себя, учреждении юридического лица, заключении, изменении, расторжении договора влияет на приобретение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Так, лицо, возводящее для себя строение на самовольно занятом земельном участке, зная, что на данный участок у него нет никаких прав, видимо, действует недобросовестно. Лицо, осуществившее постройку и полагавшее, что у него имеются права на земельный участок, вполне возможно, добросовестно заблуждалось относительно последнего обстоятельства. По действующему закону в обоих случаях лицо, осуществившее самовольную постройку, т.е. создавшее новую вещь для себя, не приобретает права собственности на возведенное строение (п. 2 ст. 222 ГК РФ).

Спор о праве, который состоит в споре об основаниях возникновения права, в таком случае сводится к проверке соблюдения регистрирующим органом формальных правил регистрации. Стоит отметить, что придание регистрации правоустанавливающего значения сводит на нет значение добросовестности приобретения, поскольку приобретатель, ориентирующийся лишь на факт регистрации прав отчуждателя, при таком

подходе всегда будет считаться не добросовестным приобретателем, а собственником, чье право собственности возникло вследствие регистрации за ним этого права.

Данный вывод корреспондируется и с предложением считать зарегистрированное право перешедшим к добросовестному приобретателю во всех случаях, даже если отчуждатель был зарегистрирован ошибочно. Получается довольно любопытная картина: положим, регистрирующий орган, регистрируя право при его переходе, неправильно указал имя правообладателя, в результате чего право оказалось зарегистрированным за посторонним лицом, чье имя указано в реестре. Это лицо не приобретало имущество и не

просило зарегистрировать за ним право, оно оказалось «правообладателем» случайно, вследствие описки, однако именно у него возникнет право, подлежащее регистрации.

Библиографический список:

1. *Бабаев В.К.* Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 328.
2. *Волков А.В.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики: Монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 255.
3. *Гаврилова Ю.А.* Развитие института добросовестного приобретателя в законодательстве Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6 (76). С. 80, 81.